

Дыхание Ли Вэньсю, долго сдерживаемое, сбилось — стало тяжелым, рваным. Поцелуй вырос в нечто стремительное и властное; пусть умениям еще не хватало отточенности, в каждом движении чувствовался безудержный напор.

Се Синьцянь обомлел. Он замер, затаив дыхание, не в силах поверить в происходящее.

— Не отвлекайся, — раздался у самого уха глухой шепот, и горячий выдох обжег шею.

Не успел Синьцянь опомниться, как Ли Вэньсю шутливо, будто в наказание, прикусил его нижнюю губу, чуть потянув на себя.

Когда поцелуй наконец прервался, щеки Синьцяня пылали. Переводя дыхание, он уткнулся носом в плечо Вэньсю и прерывисто прошептал:

— Мы... правда поцеловались?

— Угу, — отозвался Ли Вэньсю, прижавшись своим лбом к его лбу. Голос его звучал с нежной, низковатой хрипотцой. — Поцеловались.

Се Синьцянь коснулся пальцами собственных губ. Неужели не сон? Ли Вэньсю действительно его поцеловал?

— Тогда... — не удержался Синьцянь от вопроса. — Зачем ты это сделал?

— Я люблю тебя, — Ли Вэньсю мягко сжал его ладонь. — Будешь моим парнем?

Синьцянь обомлел. Сердце затопила волна оглушительного, теплого восторга, словно его погрузили в ласковую воду горячего источника.

Не показалось. Не привиделось.

Ли Вэньсю жаждал его точно так же, как он сам — до боли, до трепета.

Се Синьцянь поднял голову. В его взгляде мешались наивное удивление и пылкое чувство. На губах тронулась счастливая улыбка:

— Да.

Сердце Ли Вэньсю дрогнуло, и он снова накрыл его губы горячим поцелуем.

Синьцянь подался навстречу, отвечая неумело, слепо, невпопад, но с безудержной искренностью.

Эта неловкая отзывчивость окончательно лишила Вэньсю контроля. Поцелуй стал жадным, напористым. Он до хруста сжал плечи юноши, лишь бы удержать руки и не позволить им соскользнуть ниже.

Они целовались не впервые, но никогда прежде это не доходило до такой степени исступления.

В этом тесном, укрытом от всего мира уголке не осталось ничего внешнего. Лишь дыхание на двоих, слитное прикосновение губ да бешеный стук двух сердец.

Сколько это продолжалось, Синьцянь не знал. Воздуха в легких катастрофически не хватало, голова пошла кругом, и он отвернулся, ускользая от настойчивого языка.

Но Вэньсю, касаясь кончиком носа его носа, подался вслед за ним.

— Постой... — сипло пробормотал Синьцянь. — Дай перевести дыхание.

— Мы же уже целовались на съемках, разве нет? — Ли Вэньсю уткнулся носом ему в шею. Голос его, хриплый и сонный, выдавал с головой неутоленную жажду, но он сдержал себя и просто замер рядом.

Только сейчас он заметил, как сильно вспыхнул Синьцянь: румянец залил всё — от мочек ушей до ключиц. Юноша выглядел настолько трогательным и нежным, что возникало дикое желание укусить его.

Сам Синьцянь ничего этого, разумеется, не замечал. Сделав предельно серьезный вид, он тихо возразил:

— Это совсем другое...

— И в чем же разница? — с легкой иронией поддел его Вэньсю.

Разница была огромной.

Настоящий поцелуй не имел ничего общего с работой в кадре.

Это ощущалось куда волшебнее, словно земля уходила из-под ног, унося его прямо в небеса.

И это было невероятно приятно. Намного лучше, чем он мог представить...

Вкус этой близости дурманил. Смущаясь собственной дерзости, Синьцзянь снова приподнял голову:

— Поцелуй меня еще раз — сам поймешь.

Ли Вэньсю посмотрел на него сверху вниз, в его темных глазах блеснул опасный огонек:

— Ну давай.

«И попробую».

Синьцзянь подался вперед и робко коснулся губ Вэньсю.

Дыхание мужчины мгновенно прервалось.

Он перехватил подбородок юноши и ответил на поцелуй с новой, властной силой.

За окном прибой все так же мерно шелестел о прибрежный песок, где-то вдалеке по шоссе шуршали шинами машины, легкий бриз шевелил кроны пальм. С вечеринки возвращались первые постояльцы, и холл отеля вновь наполнялся гулом голосов...

Но для них двоих внешнего мира не существовало.

В номере на втором этаже, укрывшись с головой под одеялом, они делились самыми сокровенными тайнами.

Кондиционер дул на двадцати четырех градусах, но Синьцзянь все равно пробил легкий пот. Челка намокла и прилипла ко лбу, щеки пылали.

И все же он не хотел останавливаться — пока Ли Вэньсю сам мягко не отстранился.

Когда их губы разошлись, между ними на миг протянулась тонкая серебристая нить.

Они прижались друг к другу, пытаясь восстановить сбившийся пульс. Тишину не нарушало ни единое слово.

Спустя минуту Синьцзянь снова потянулся к нему, но на этот раз Вэньсю остановил его, слегка упершись ладонью в грудь.

— Ты... — Синьцзянь замер в замешательстве, чувствуя, как укол обиды сжимает сердце.

— Прости, дальше нельзя, — Ли Вэньсю удерживал его за плечи, и в его хриплом голосе проскальзывали беспомощные нотки. — Если мы не остановимся сейчас, я потеряю контроль.

Синьцянь на миг опешил, а когда до него дошел смысл сказанного, вспыхнул с новой силой.

Только через пару мгновений он умудрился выдавить из себя смущенное «а-а...», сгорая от неловкости и мечтая провалиться сквозь землю.

Залитое застенчивым румянцем лицо юноши напомнило Ли Вэньсю вечерний закат, когда тот пел на берегу — такое же алое, пылающее, чистое.

Он был без ума от этого зрелища, но продолжать действительно было нельзя.

Синьцянь неопытен и глуп в таких вещах, а сам он не имел права поддаваться порыву и вести себя нерассудительно.

Вэньсю выпустил его из объятий и поднялся.

Синьцянь остался лежать, во все глаза наблюдая за тем, как мужчина приводит себя в порядок.

Сначала ему казалось: ну поцеловались и поцеловались, эка невидаль. Но тут он заметил, что футболка Вэньсю задралась почти до самой груди, обнажая рельефный пресс и четкие линии мышц, уходящие за пояс брюк... А рубашка поверх вообще превратилась в жеванный кусок ткани.

Осознание того, что это дело его собственных рук, заставило румянец вспыхнуть с новой силой.

Неужели его руки вытворяли такое?..

Синьцянь готов был сгореть со стыда. Однако Вэньсю лишь нагнулся, бережно отвел влажную челку с его лба и мягко коснулся кожи губами.

— Доброй ночи.

В его низком голосе слышалась явная улыбка.

— Доброй...

Свернувшись калачиком под одеялом и обняв подушку, Синьцянь сжался в счастливый комочек.

\*\*\*

Натурные съемки на острове Вэйхай полностью завершились. На следующее утро съемочная группа фильма «Долгое лето» отправлялась обратным рейсом в Цзинши, чтобы продолжить работу в павильонах.

Собравшись, Се Синьцян спустился с багажом в холл отеля. Он огляделся вокруг, но Ли Вэньсю нигде не было видно.

Зато из лифта с чемоданом вышел режиссёр Ло Юаньцзе. Синьцян направился к нему, чтобы поздороваться, но не успел и слова вымолвить, как старик зашелся сухим кашлем.

— Вы заболели? — удивился Синьцян.

— Так, пустяковая простуда, — отмахнулся Ло Юаньцзе. — Не переживай, доснять картину успеем.

«При чем тут фильм?»

Синьцян на миг замешкался, но, видя, что режиссер спокоен, расспрашивать не стал.

Вскоре Ло Юаньцзе сдал номер и вышел к поджидавшему его минивэну.

Синьцян сверился с часами: до отплытия парома оставалось еще немного времени. Он вытащил телефон и написал Ли Вэньсю:

«Я в холле. Ты спускаешься?»

Ответ пришел мгновенно:

«Уже. Обернись».

Синьцян с телефоном в руке повернулся к лифту. Двери раздвинулись, и на пороге возник высокий Ли Вэньсю. В белоснежной рубашке и темных солнцезащитных очках он выглядел собранным и безупречно статным.

Заметив Синьцяня, Вэньсю снял очки и зацепил их за воротник:

— Чего так рано?

— Да так... — Синьцзянь кивнул. Поскольку это был их первый день в новом статусе, в его голосе проскальзывала невольная стеснительность. — Хочется поскорее домой.

Признаться в том, что он просто сбежал вниз от перевозбуждения, не сумев толком заснуть, было выше его сил.

Вэньсю шагнул к нему и негромко спросил:

— Голова не болит?

— Нет, — качнул головой Синьцзянь. — Лекарство от похмелья помогло.

— Вот и отлично, — Ли Вэньсю привычным, естественным жестом взъерошил его волосы.

На этот раз для съемочной группы зафрахтовали частный паром. Багаж и автомобили разместили на нижней палубе, персонал — на второй, а ключевую группу и актеров — в каютах первого класса на третьем уровне. Отплытие не совпало с туристическим пиком, поэтому пристань казалась почти пустынной.

В сопровождении распорядителя Синьцзянь и Вэньсю поднялись на верхнюю палубу.

В отличие от тесных рядов эконо-класса, здесь все было устроено для максимального комфорта: мягкие диваны, глубокие кресла, между которыми с большими интервалами располагались барные стойки, письменные и обеденные столики.

Окинув каюту взглядом, Синьцзянь выбрал угловой диванчик. Ли Вэньсю без лишних слов устроился рядом.

Диван был цельным, без разделительных подлокотников. Они сидели так близко, что достаточно было протянуть руку, чтобы коснуться...

Синьцзянь чувствовал, как чаще забилося сердце.

Высокий стол впереди надежно скрывал их от чужих глаз — идеальное укрытие для чего-нибудь не совсем приличного.

Пока он предавался этим вольным фантазиям, неподалеку раздался голос:

— Сяо Синьсинь, ты чего так далеко забился?

К ним подошел Гу Синье. Достав из кармана колоду карт, он лукаво улыбнулся:

— Путь неблизкий. Сыграем в картишки?

— Спасибо, не надо, — ровным тоном ответил Синьцзянь. — Вчера перебрал, хочу прилечь.

Гу Синье перевел взгляд:

— Брат Ли, а ты?

Ли Вэньсю даже бровей не повел:

— Я тоже хочу поспать.

— Странные вы, — Гу Синье разочарованно вздохнул и ушел, бурча себе под нос: — Чего это всем спать захотелось? Я вчера тоже выпил немало, а сегодня бодр и свеж как огурчик... Сдают позиции, эх... Молодые еще, а что с ними к старости станет?..

Синьцзянь не проронил из его бормотания ни слова. Покосившись на сидящего рядом Вэньсю, он почувствовал, как пульс снова ускоряется.

Сегодня на том была ослепительно белая рубашка, верхняя пуговица которой оставалась расстегнутой. То ли крой оказался настолько безупречным, то ли ткань слишком плотно облегла тело, но под ней явно угадывался крепкий, мускулистый рельеф.

Сдавлив подступившее волнение, Синьцзянь невзначай спросил:

— Ты правда собираешься спать?

— Угу, с трудом заснул ночью, — Вэньсю устало потер переносицу. Вид у него и впрямь был довольно утомленный.

Синьцзянь удивленно моргнул. Выходит, не он один провел ночь без сна от бушевавших чувств?

Вскоре подтянулись остальные пассажиры, и паром отчалил от берега.

Служащие начали разносить напитки и пластыри от укачивания. Синьцзянь отказывался от еды и попросил лишь стакан апельсинового сока.

Изначально в нем еще теплилось нескромное желание как-то сблизиться, но каюта была залита ярким дневным светом, а вокруг мелькали люди — смущение взяло верх. Вчерашний поцелуй происходил под хмельком, а вот посреди бела дня решимости явно не хватало.

Он откинулся на спинку дивана. Солнечные лучи, пробивавшиеся сквозь иллюминатор, приятно грели кожу. Мерное покачивание судна усыпляло, и Синьцян сам не заметил, как погрузился в дрему.

Разбудил его громкий восторженный гул:

— Кит!

— Синий кит!

— Вот это да! Вот так удача, не думал, что в Южно-Китайском море реально встретить синего кита!

Киты?

Синьцян вскинул голову. Вдали, среди лазурных волн, смутно темнели два огромных пятна. Над водой вздымались прозрачные фонтаны брызг — зрелище завораживало.

Настоящие синие киты!

Глаза Синьцаня вспыхнули азартом. Он мгновенно повернулся и стал тормозить Ли Вэньсю:

— Смотри, киты! Там на улице киты!

Едва открыв глаза, Вэньсю увидел перед собой сияющее лицо Синьцаня. Солнечные лучи играли на его коже, превращая взгляд в драгоценный камень.

— Да смотри же!

Юный возлюбленный рвался поделиться с ним каждой радостной мелочью. Синьцян снова слегка толкнул его в плечо.

Вэньсю бросил взгляд за окно. Вдали виднелись лишь две темные точки — после того, как он наблюдал за исполинами вблизи у берегов Аляски, это зрелище его не впечатляло.

— Видел? — Синьцян заглянул ему в лицо. Обычно сдержанный и холодноватый, сейчас он радовался как ребенок. — Я только что разглядел хвост! Огромный!

— Угу, виден, — заразившись его искренним восторгом, Ли Вэньсю мягко улыбнулся. — Милый.



— Милый? — Синьцзянь на мгновение растерялся, решив, что это странный эпитет для морского гиганта.

Но, поразмыслив, решил: да, действительно милый, пусть и колоссальных размеров.

— Ну да, пожалуй, милый, — согласился он.

Вэньсю легким касанием сжал его шею сзади, тепло выдохнув прямо в кожу.

От этого прикосновения мысли о китах мгновенно улетучились, уступив место тому самому нереализованному порыву.

Он быстро оглянулся: все толпились у иллюминаторов. Гу Синье и вовсе почти прилип лбом к стеклу, едва не вываливаясь наружу.

А значит, на них никто не смотрел.

Подавленная было страсть вспыхнула с новой силой.

Синьцзянь провел языком по пересохшим губам и поднял глаза на Ли Вэньсю.

Высокая переносица, чеканный подбородок, изящные линии ключиц...

Затем взгляд соскользнул к губам. Они не были ни чересчур тонкими, ни слишком пухлыми; выразительный изгиб и чуть опущенные уголки придавали лицу строгость. Но лишь тот, кто целовался с ним, знал, насколько эти губы могут быть мягкими и горячими.

И именно эти губы совсем недавно страстно ласкали его...

Вдали кит снова вытолкнул высокий столб воды, приковав к себе всеобщее внимание.

Воспользовавшись моментом, Синьцзянь подался вверх и мимолетно, сходу поцеловал Вэньсю в губы.

Ощувив мгновенное, шелковистое прикосновение, Вэньсю замер. Его взгляд медленно опустился на юношу.

Синьцзянь смотрел на него снизу вверх прозрачными, сияющими глазами. Натворив глупостей, он пытался изобразить абсолютную невинность, точь-в-точь как сбежавший с добычей кот.

Вэньсю чуть сильнее сжал его загривок и с невозмутимым видом спросил:

— И что это сейчас было?

— Да так, ничего особенного, — видя замешательство на его лице, Синьцзянь торжествовал и старался говорить как можно непринужденнее: — Просто поцеловал своего парня... Ммм!..

Договорить ему не дали. Вэньсю неожиданно обхватил его за затылок и накрыл его рот глубоким, властным поцелуем.

Синьцзянь от неожиданности растерялся, боясь даже шелохнуться.

С ума сошел?! Мы же на пароме! Вокруг люди!

Он попытался упереться руками ему в грудь, но Вэньсю мгновенно перехватил его запястья и прижал к спинке дивана.

— Пусти... — попытался вырваться Синьцзянь, но едва разомкнул губы, как мужчина воспользовался этим и захватил инициативу. Горячий, сильный язык властно скользнул внутрь, и тело юноши мгновенно обмякло.

Этот напор был сокрушительным — трудно было поверить, что секунду назад этот человек разговаривал с ним так спокойно.

Синьцзянь проклинал собственную глупость: перехитрил сам себя! А Вэньсю и не думал останавливаться, действуя все дерзче и непреклоннее.

Сгорая от страха быть застигнутым вплотную, Синьцзянь был вынужден принимать этот безумный поцелуй, судорожно прислушиваясь к звукам вокруг.

Тем временем киты уплыли вдаль, и пассажиры начали возвращаться на свои места. До Синьцзяня уже доносился смех Гу Синье, болтающего с кем-то из группы.

У Синьцзяня аж волосы встали дыбом от ужаса. Он отчаянно захлопал ладонью по плечу Вэньсю.

Но тот даже не думал отпрянуть. Вэньсю лишь подхватил со столика глянцевый журнал и прикрыл им их головы, сделав поцелуй еще более откровенным и неистовым.

Теперь Синьцзянь замер как истукан. Если этот журнал сейчас выскользнет из рук, он сразу же выпрыгнет за борт!

На передней палубе народ усаживался по креслам, а в дальнем углу каюты тонкая бумажная обложка создавала крошечный, хрупкий мирок.

Заблокированный в этом шатком убежище, Синьцянъ выгибал изящную шею, безропотно отдавшись во власть Ли Вэньсю...

— Странно, — пробормотал Гу Синъе, оглянувшись от окна. — Что это они там журналы разглядывают вместо китов?

Сидевший неподалеку Ло Юаньцзе лишь усмехнулся в усы, но не проронил ни слова — мудрый взгляд старого режиссера видел все насквозь.

<http://bllate.org/book/19727/1985856>